

УДК 343.328

Глухова О.В.

ФОРМЫ ПРИКОСНОВЕННОСТИ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Введение. Понятие прикосновенности к преступлению не нашло закрепления в уголовном законодательстве Республики Беларусь. В то же время в действующем Уголовном кодексе (далее – УК) в качестве отдельных составов преступлений предусмотрены ее формы (стст. 405, 406 и 425). Достаточно внимания уделялось изучению форм прикосновенности и в науке уголовного права в трудах таких советских ученых, как Г. Баймурзин, И.А. Бушуев, Г.А. Кригер, П.Ф. Тельнов, П. Панченко и др. В настоящее время, к сожалению, в Республике Беларусь исследований в данной области практически не проводится, хотя российские ученые продолжают ее разрабатывать (А.Д. Макаров, Е.В. Пономаренко и др.). Обращаясь к рассмотрению отдельных преступных деяний, признаваемых прикосновенностью, можно назвать следующие основные проблемы, требующие теоретического и законодательного разрешения:

- во-первых, необходимо определиться с терминологией, установить, являются ли проявления прикосновенности к преступлению ее видами или формами;
- во-вторых, выделить те деяния, которые запрещены законодателем в УК и относятся к институту прикосновенности к преступлению;
- в-третьих, обозначить основные направления совершенствования уголовного законодательства в части установления круга деяний, являющихся прикосновенностью к преступлению.

Недостаточное урегулирование уголовным законом института прикосновенности к преступлению приводит к тому, что до сих пор нет определенности в указании четкого перечня общественно опасных деяний, относящихся к ней. Более того, в литературе не наблюдается единства в выборе понятия, которым обозначались бы такие деяния. Некоторые авторы говорят о формах прикосновенности к преступлению [2, с. 94; 17, с. 277; 18, с. 241], другие – о ее видах [11, с. 19; 16, с. 286; 19, с. 162], а третьи употребляют данные понятия как равнозначные [8, с. 70].

Представляется более предпочтительным использование термина «формы» применительно к отдельным действиям (бездействию) прикосновенных к преступлению лиц. Форма (от лат. forma) – способ организации и способ существования предмета, процесса, явления [22, с. 383]. Все формы прикосновенной деятельности характеризуются одинаковыми, объединяющими их и выражающими специфику этого института уголовного права признаками. Различаются они между собой именно по особенностям внешнего проявления, способу совершения общественно опасного деяния, т.е. по объективной стороне составов преступлений.

Формами, а не видами прикосновенности к преступлению были названы заранее не обещанное укрывательство преступлений и недонесение о преступлениях в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 года № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» [15, с. 685].

Наиболее распространенным является мнение о выделении трех форм прикосновенности к преступлению: заранее не обещанного укрывательства, недонесения о преступлении и попустительства преступлению. Можно также встретить точку зрения, согласно которой прикосновенностью признается лишь укрывательство и недонесение

стительство [11, с. 19; 12, с. 8–9; 20, с. 336–337], что связано с отсутствием в УК отдельной нормы, предусматривающей ответственность за попустительство, которое включено в объективную сторону состава бездействия должностного лица (ст. 425 УК).

Законодательное определение понятия попустительства преступлению дается в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (стст. 424–428 УК)». Попустительством преступлению является умышленное невоспрепятствование должностным лицом готовящемуся или совершаемому преступлению при условии, что данное должностное лицо в соответствии с его полномочиями обязано было и могло это сделать. Исходя из данного определения и содержания деяния при попустительстве, следует все же относить его к формам прикосновенности. Бездействие попустителя, как и деяния укрывателя и недонесителя, причинно и виновно не обуславливают совершение основного преступления, но с ним связаны и способны затруднить его пресечение и выявление. Отличие попустительства от иных форм прикосновенности заключается, прежде всего, в субъекте преступления: если недонесителем и укрывателем может быть любое лицо (субъект общий), то попустителем – только должностное лицо, которое по службе обязано осуществлять деятельность по предотвращению и пресечению преступлений (субъект специальный). Однако, с учетом нормы ст. 2 Конституции Республики Беларусь (признание человека, его прав, свобод и гарантий их реализации высшей ценностью и целью общества и государства) можно согласиться с предложением А.Д. Макарова об установлении уголовной ответственности за попустительство преступлениям против физической неприкосновенности человека любых лиц, не препятствующих совершению преступления своими действиями или вызовом помощи, если они имели возможность это сделать без риска для себя или других лиц [8, с. 141].

В соответствии с уголовным законодательством Республики Беларусь прикосновенностью к преступлению признаются не всякое укрывательство и попустительство, а только заранее не обещанные. В отношении попустительства такой вывод вытекает из смысла упоминавшегося п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 года № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (стст. 424–428 УК)», в соответствии с которым заранее обещанное со стороны должностного лица попустительство совершению преступления квалифицируется по совокупности как бездействие должностного лица и соучастие (в виде пособничества) в совершении соответствующего преступления.

Разграничение заранее обещанного и заранее не обещанного укрывательства проводится в самом уголовном законе: в ч. 6 ст. 16 УК к пособникам отнесены лица, заранее обещавшие скрыть преступника, орудия или средства совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а по ст. 405 УК наказуемо лишь заранее не обещанное укрывательство.

Что касается недонесения о преступлении, то наблюдается иной подход в правовом регулировании. Уголовный закон не рассматривает заранее данное обещание не сообщать о преступлении как соучастие. В литературе мнения по этому вопросу неоднозначные. Практика идет по пути непризнания такого поведения соучастием,

хотя в условиях распространения преступлений террористической направленности, а также иных особо тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь человека, этот вопрос представляется проблематичным [13, с. 56].

Отнесение заранее обещанного недонесения о преступлении к прикосновенности или соучастию в преступлении зависит от того, характерные особенности какой из этих форм преступной деятельности в большей мере присущи рассматриваемому виду недонесительства.

На наш взгляд, заранее обещанное недонесение является соучастием в преступлении в виде интеллектуального пособничества, так как характеризруется всеми его обязательными признаками. Обязательные признаки соучастия при заранее обещанном недонесении о преступлении выражаются в следующем:

- в преступлении участвуют как минимум два вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лица – исполнитель преступления и недонеситель о нем;
- совместность в деяниях указанных лиц состоит в том, что данное недонесителем обещание является необходимым условием совершения преступления исполнителем, укрепившим решимость последнего действовать, без которого преступные намерения не были бы реализованы;
- поскольку без полученного обещания не сообщить о преступлении исполнитель не совершил бы его, постольку существует непосредственная причинная связь между этим обещанием и преступными последствиями, наступившими в результате деяния исполнителя.

Виновная связь при этом заключается в том, что недонеситель осознает общественно опасный характер собственного деяния и характер готовящегося или совершаемого исполнителем преступления, а также факт содействия своим обещанием совершению исполнителем преступления, предвидит единый результат, желает или сознательно допускает его наступление.

Заранее обещанное недонесение о преступлении не рассматривается некоторыми авторами как соучастие в преступлении из-за его меньшей общественной опасности по сравнению с другими способами пособничества преступлению. Так, Г. Виттенберг и П. Панченко, признавая заранее обещанное недонесительство пособничеством преступлению, в то же время заявляют, что «причина здесь не достигает того уровня, который может считаться достаточным для признания недонесения «полноценным» объективным признаком соучастия» [4, с. 10]. С учетом наличия всех остальных обязательных признаков соучастия указанное обстоятельство не может быть поводом к непризнанию заранее обещанного недонесения соучастием в преступлении. А.А. Пионтковский предложил, чтобы в отдельных случаях за малозначительностью такое недонесение могло и не влечь уголовной ответственности [10, с. 600]. То же видим у А.Б. Сахарова, считающего, что, поскольку «действительная роль такого обещания в формировании преступной решимости исполнителя может быть различна, в том числе и незначительна, в таких случаях ответственность должна отпадать в силу малозначительности совершенного деяния, равно как это должно иметь место, когда обещание недонесения касалось малоопасного преступления... Но когда заранее данное обещание не сообщать о готовящемся преступлении имело существенное значение для укрепления решимости виновного выполнить задуманное, когда оно приобрело характер некоторого сговора, нет оснований отказываться от квалификации содеянного как соучастия» [14, с. 106].

С учетом сказанного необходимо пересмотреть подход законодателя к определению перечня способов совершения интеллектуального пособничества (ч. 6 ст. 16 УК), дополнив его заранее обещанным недонесением о преступлении. Внесение соответствующих изменений потребуются и в ст. 406 УК, где в качестве формы прикосновенности к преступлению должно быть указано лишь заранее не обещанное недонесение о преступлении.

Еще одним вопросом, требующим рассмотрения, является отнесение к прикосновенности легализации («отмывания») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), а также приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добы-

тых преступным путем (ст. 236 УК). В действующем уголовном законе они включены в систему преступлений против порядка осуществления экономической деятельности (глава 25 УК) и прикосновенностью не признаются. По мнению А.В. Зарубина, эти составы преступлений должны считаться укрывательством в качестве видов, имеющих дополнительное уголовно-правовое значение [7, с. 99]. С точки зрения А.Д. Макарова, по своей природе укрывательство и приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, очень близки, поскольку: 1) имеют общественно опасный характер в связи с совершением какого-либо преступления; 2) приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем, объективно способствуют сокрытию преступления, в результате совершения которого было добыто имущество. Легализация преступных доходов также по своей природе близка укрывательству: утаивание и вуалирование незаконности происхождения теневых капиталов непосредственно способствуют сокрытию преступлений, породивших данные имущественные ценности, т.е. фактически образуют укрывательство [9, с. 42–43].

Отнесение рассматриваемых действий по объекту к преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности представляется ошибочным, так как направлены они, в первую очередь, на сокрытие предметов, добытых преступным путем, а не на причинение вреда экономическим отношениям. В составе легализации на это прямо указывает обязательная цель утаивания или искажения природы, происхождения, местонахождения, размещения, движения или действительной принадлежности материальных ценностей, добытых преступным путем, или соотносимых с ними прав (ч. 1 ст. 235 УК). Умысел преступника направлен на достижение именно такого результата, его деяние объективно создает препятствия для раскрытия и расследования преступления, а следовательно, вызывает угрозу причинения вреда интересам правосудия.

Д. Безбородов и А. Зарубин считают заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, способом укрывательства, который обладает повышенной степенью общественной опасности и является по своей сути сокрытием вещей, добытых в результате совершения преступления, т.е. вещным укрывательством. Заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, заведомо для виновного добытого преступным путем, прежде всего, посягает именно на правоотношения в сфере правосудия, препятствуя возмещению материального вреда, причиненного основным преступлением, и в конечном счете восстановлению социальной справедливости, а уж потом на интересы экономической деятельности [3, с. 7]. Для квалификации действий как приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, следует установить, что действия эти объективно и субъективно не были направлены на введение этого имущества в экономический оборот (в отличие от легализации), который, следовательно, от этого не страдает [1, с. 113–114].

Из сказанного следует, что объектом рассматриваемых преступлений являются интересы правосудия, с учетом чего необходимо пересмотреть их место в системе Особенной части УК. Такая позиция разделяется и законодателями некоторых зарубежных стран. Так, в Особенной части Уголовного кодекса ФРГ выделяется отдельный раздел 21 «Укрывательство преступника и укрывательство имущества, добытого преступным путем», в который входят следующие параграфы: § 257 «Укрывательство»; § 258 «Воспрепятствование наказанию»; § 258а «Воспрепятствование должностным лицом привлечению к ответственности или исполнению наказания»; § 259 «Укрывательство имущества, добытого преступным путем»; § 260 «Укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое в виде промысла, укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое бандой»; § 260а «Укрывательство имущества, добытого преступным путем, совершаемое бандой в виде промысла»; § 261 «Отмывание денег. Укрывательство незаконно полученных имущественных выгод». Согласно последнему параграфу наказываемся тот, «кто утаивает или прячет предмет, который получен в результате совершения... противоправного деяния, либо скрывает его происхождение или препятствует установлению происхождения этого предмета, его местонахождения, конфи-

скация имущества или сохранению изъятых предметов». Наказываются также тот, кто указанный предмет: 1) приобретает для себя или третьего лица; 2) хранит или использует для себя или третьего лица, если ему было известно о происхождении этого предмета в тот момент, когда он его приобретал [21, с. 146–147].

В Уголовном законе Латвийской Республики ответственность за приобретение и реализацию имущества, добытого преступным путем, предусмотрена в ст. 314, которая наряду со ст. 313 (заранее не обещанное укрывательство) и 315 (недонесение о преступлении) включена в главу XXIII «Преступные деяния против правосудия». Глава XIII УК Аргентины называется «Соккрытие и отмывание денег преступного происхождения».

Остановимся на соотношении приобретения либо сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, и укрывательства.

Среди общих черт этих преступлений выделяются следующие:

- оба деяния общественно опасны в связи с совершением другим лицом какого-либо преступления, объективно способствуют его сокрытию;
- совершаются уже после окончания основного преступления без заранее данного обещания;
- действия виновных лиц осуществляются в отношении имущества, добытого преступным путем;
- действия совершаются умышленно;
- на наш взгляд, данные преступления имеют общий объект посягательства – интересы правосудия;
- по конструкции объективной стороны имеют формальный состав;
- совпадают деяния, составляющие объективную сторону этих преступлений (приобретение, хранение, сбыт предметов, добытых преступным путем, вполне могут быть способами их укрывательства).

Основной признак, по которому в литературе предлагается различать рассматриваемые составы, – содержание их субъективной стороны. Исследователи (А.В. Зарубин, С.А. Дробот, О.И. Семькина, В. Гелашвили, Г. Криволапов, Ш.С. Рашковская, Н.И. Коржанский, А.Н. Мурадов и др.) заявляют о разнице в целях преступлений. Для заранее не обещанного укрывательства характерно наличие у субъекта цели, направленной на сокрытие преступления, его следов или преступника. Субъект, приобретающий или сбывающий преступно добытое имущество, как правило, преследует цель извлечения материальной выгоды от преступления для себя или других лиц, т.е. корыстную цель. Возразить против этого можно тем, что, во-первых, в диспозициях стст. 236 и 405 УК нет указания на цели как обязательный признак соответствующих преступлений. Во-вторых, при совершении преступления, предусмотренного ст. 236 УК, не всегда преследуется цель извлечения материальной выгоды. С другой стороны, укрыватель может получать определенное вознаграждение за свои действия.

Итак, приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, следует считать разновидностью (способом совершения) укрывательства. Какой-либо существенной специфики по сравнению с укрывательством в этом составе не усматривается. В связи с этим целесообразно рассмотреть возможность исключения из УК Республики Беларусь ст. 236 и дополнение ст. 405, в которой предусмотреть наказание за заранее не обещанное укрывательство преступлений путем приобретения или сбыта материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, либо совершенное из корыстной заинтересованности. Действующие редакции стст. 236 и 405 УК надо рассматривать соответственно как специальную и общую нормы. Поэтому недопустима предлагаемая в литературе квалификация данных деяний по совокупности, когда действия лица состоят только в приобретении, сбыте и хранении добытых преступным путем материальных ценностей.

Легализация («отмывание») материальных ценностей, заведомо приобретенных преступным путем, также является видом укрывательства, поскольку направлена на сокрытие фактов получения имущества именно этим способом. Выделяются два основных отличия между рассматриваемыми составами. Во-первых, в ст. 235 УК перечислены такие

способы легализации (совершение финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом), которые возможны только в отношении имущественных преступлений, а укрывательство касается сокрытия любых преступлений и может совершаться также путем других действий. Во-вторых, в ст. 235 УК указана специальная цель: придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами и имуществом, а укрывательство совершается с целью помочь преступнику избежать ответственности [5, с. 214]. Однако такая же цель может преследоваться дополнительно и при легализации (более того, на наш взгляд, в составе легализации, в отличие от укрывательства, цель сокрытия предмета, добытого преступным путем, выражена вполне определенно и составляет суть, направленность преступления). Поэтому если в конкретном случае налицо признаки и легализации, и укрывательства, то применяется ст. 235 УК, исходя из правил разрешения конкуренции общей и специальной нормы. По сравнению с объективной стороной преступления, запрещенного ст. 236 УК, и укрывательства деяние при легализации характеризуется определенной спецификой. Поэтому целесообразно сохранить ответственность за легализацию в отдельной статье уголовного закона, но поместить ее с учетом объекта посягательства в главу 34 «Преступления против правосудия» после ст. 405, показав тем самым, что легализация является особым видом укрывательства.

Следует, как и в отношении других форм прикосновенности к преступлению, различать заранее обещанные и заранее не обещанные действия по легализации, приобретению, хранению или сбыту имущества, добытого преступным путем. Из смысла ст. 236 УК и ч. 6 ст. 16 УК видно, что заранее обещанное приобретение или сбыт предметов, добытых преступным путем, признается законодателем пособничеством преступлению. Спорным является признание соучастием заранее обещанной легализации таких предметов. Аргументы в пользу этого можно привести те же, что рассматривались в отношении заранее обещанного недонесения о преступлении. Кроме того, очевидно сходство составов преступлений, описанных в стст. 235 и 236 УК. Поэтому нелогичен различный подход в законодательстве к одинаковым, по сути, действиям, когда заранее обещанная легализация не признается соучастием. И.О. Грунтов считает, что если совершение разовой финансовой операции или иной сделки с имуществом, приобретенным преступным путем, было заранее обещано лицу, добывшему таким способом это имущество, то содеянное следует рассматривать как пособничество исполнителю первичного преступления [6, с. 22].

Заключение. Таким образом, формами прикосновенности к преступлению являются: заранее не обещанное укрывательство преступления (ст. 405 УК); заранее не обещанное недонесение о преступлении (ст. 406 УК); заранее не обещанное попустительство преступлению (ст. 425 УК). Те же деяния, совершенные при наличии предварительной договоренности с исполнителем основного преступления, имеют все признаки соучастия в преступлении и должны признаваться интеллектуальным пособничеством.

С учетом направленности умысла, объекта посягательства и содержания общественной опасности к прикосновенности следует относить в качестве видов укрывательской деятельности легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК), и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем (ст. 236 УК), которые также не были заранее обещаны.

В связи со сказанным требуется внести ряд изменений в УК Республики Беларусь:

- указать в ч. 6 ст. 16 УК как способы совершения интеллектуального пособничества заранее обещанное недонесение о преступлении, заранее обещанное попустительство преступлению и заранее обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;
- в ст. 406 УК установить ответственность лишь за заранее не обещанное недонесение о преступлении, а в ст. 235 УК – за заранее не обещанную легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем;

- поместить статьи, запрещающие легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем, и приобретение либо сбыт материальных ценностей, заведомо добытых преступным путем, в главу 34 УК «Преступления против правосудия».

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бажин, А.А. Место заранее не обещанного приобретения или сбыта имущества, добытого преступным путем, в системе охраняемых уголовным законом общественных отношений / А.А. Бажин // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2005. – № 4. – С. 111–114.
2. Баймурзин, Г. Ответственность за прикосновенность к преступлению / Г. Баймурзин. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 188 с.
3. Безбородов, Д. Уголовная ответственность за заранее не обещанное приобретение или сбыт имущества, добытого преступным путем / Д. Безбородов, А. Зарубин // Уголовное право. – 2003. – № 4. – С. 7–8.
4. Виттенберг, Г. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: учеб. пособие / Г. Виттенберг, П. Панченко. – Иркутск, 1976. – 50 с.
5. Горелик, А.С. Преступления против правосудия / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – 491 с.
6. Грунтов, И. Уголовная ответственность за легализацию («отмывание») материальных ценностей, приобретенных преступным путем (ст. 235 УК 1999 года) / И. Грунтов // Судовы веснік. – 2000. – № 4. – С. 20–24.
7. Зарубин, А.В. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.В. Зарубин. – Тюмень, 2004. – 212 с.
8. Макаров, А.Д. Уголовная ответственность за прикосновенность к преступлению: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Д. Макаров. – М., 2004. – 176 с.
9. Макаров, А.Д. Укрывательство, недоносительство и попустительство в современном зарубежном законодательстве / А.Д. Макаров // Закон и право. – 2004. – № 6. – С. 42–47.
10. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
11. Пономаренко, Е.В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Пономаренко. – Саратов, 2007. – 26 с.
12. Раал, Э. Прикосновенность к преступлению по советскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э. Раал. – Тарту, 1956. – 20 с.
13. Саркисова, Э.А. Прикосновенность к преступлению: проблемы ответственности / Э.А. Саркисова // Право Беларуси. – 2003. – № 14(38). – С. 54–59.
14. Сахаров, А.Б. Некоторые вопросы соучастия и прикосновенности в связи с кодификацией уголовного законодательства / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1958. – № 9. – С. 104–107.
15. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1986 гг.). – М.: Известия, 1987. – 1040 с.
16. Советское уголовное право. Общая часть. – М.: Юрид. лит., 1977. – 544 с.
17. Советское уголовное право. Общая часть / Под ред. Г.А. Кригера, Б.А. Куринова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Изд-во Моск. унта, 1981. – 517 с.
18. Советское уголовное право: часть Общая: учебник / Б.В. Здравомыслов, М.А. Гельфер, П.И. Гришаев [и др.]. – М.: Юрид. лит., 1982. – 440 с.
19. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с.
20. Трайнин, А.Н. Избранные труды / Сост., вступ. ст. Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 898 с.
21. Уголовный кодекс ФРГ; пер. с нем. – М.: Зерцало, 2000. – 208 с.
22. Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В. Константинов. – Т. 5. – М.: Советская энциклопедия, 1970. – 740 с.

Материал поступил в редакцию 20.10.11

GLUKHOVA O.V. Forms of involvement in a crime in criminal law of the Republic of Belarus

Both the definition of the notion "involvement in a crime" and distinct detachment of its forms are absent in criminal law in the Republic of Belarus. The question about the forms of involvement in a crime in the science of criminal law is argumentative. The most wide-spread opinion about the assignment to the forms of involvement concerns three criminally liable acts: not promised in advanced concealment of crime, failure to report and connivance of crime. The necessity to acknowledge the given acts as the forms of involvement only in the cases when they are not promised in advance as well as legalization ("laundering") of material valuables obtained by crime, receiving, keeping and uttering of such valuables (under the condition of the absence of previous promise to commit these acts) is proved in the article.

УДК [349.6 : 556.562] (476)

Речиц Е.В.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНЦЕССИЙ ВОДНО-БОЛОТНЫХ УГОДИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Концессия (от латинского *concessio* – разрешение, уступка) представляет собой форму государственно-частного партнерства по взаимовыгодному использованию не подлежащих приватизации водно-болотных угодий и иных природных ресурсов, разработка которых требует значительных материальных затрат. При этом государство вовлекает в хозяйственный оборот неиспользуемые природные ресурсы, привлекает в экономику иностранные инвестиции и современные технологии, создает новые рабочие места, обеспечивает дополнительные заказы на производство машин и оборудования для отечественных производителей, получает дополнительные налоги и другие обязательные платежи либо произведенную продукцию и т.д. [12, 4]. Инвестор осуществляет более эффективное по сравнению с государственным управление объектом концессионного

договора и наделяется правом на получение большей части прибыли от его эксплуатации [15, 47].

В Республике Беларусь, учитывая, с одной стороны, ее масштабы как малой страны, специфику переходного периода, а с другой – имеющийся огромный потенциал для развертывания инвестиционной деятельности на основе концессий, следует использовать все многообразие форм концессий, особенно с привлечением капитала зарубежных компаний [15, 47]. Особую значимость в сложившейся ситуации приобретает возможность использования водно-болотных угодий, в первую очередь имеющих международное значение («Споровский», «Званец», «Средняя Припять», «Ольманские болота», «Ельня», «Освейский», «Котра», «Простырь») для рекреационных и туристических целей, включая экологический и научный туризм, а

Речиц Е.В., Брестский государственный технический университет. Беларусь, БрГУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.